

Сергей ДЪЯКОВ

*

Я не про счастье, я не про любовь.
Я про свои душевные болезни.
И за окном осенние созвездья
мне аспирином разжижают кровь.

И снова в запредельных полуснах
таинственно, легко и отрешённо,
немые неплацкартные вагоны
качают нас в железных гамаках.

Здесь люди доверяются судьбе,
и чувства невесомы и просторны.
Ты слышишь, наши руки беспризорно
разговорились сами по себе.

По нам двоим заплачет лазарет.
Пустынный тамбур. Скрип двери сталистой...
А что потом,
расскажут журналисты,
в последних строчках утренних газет.

*

Вчера был город ливнями прошит,
а нынче снег, над ним, как птица кружит.
Но на земле, повсюду грязь и лужи,
и он ее коснуться не спешит.

И вместе с ним плывущая душа,
Уже не ищет прежнего приюта.
И эта просветленная минута
Не по-земному как-то хороша.

И я от притяженья отдыхая,
Всё больше привыкаю к высоте...
Я радуюсь небесной чистоте,
Всё реже воздух осени вдыхая.

*

Собирал по слезинке, по слову копил.
Наполнял огоньками лампадок церковных.
А вчера свою душу, как шапку пропил.
Как синичье гнездо, разорил хладнокровно.

От ребра до ребра — хоть шаром покати.
Острой болью торчит воровская отмычка...
Я ведь сам помогал эту спицу крутить.
Вынимал по частям и подсвечивал спичкой.

Не дочитан опять покаянный канон.
В темноте хохоток опустевших бутылок.
И всю ночь, нарушая и путая сон,
Что-то давит и душит, и дышит в затылок...

Не расплакаться больше чернильным пером.
Пустоту не засеять, не вырубить словом...
От себя самого бы, нырнуть топором.
Мотыльком бы сгореть, в огонёчке лиловом.

...На заветной заимке не заперта дверь.
Вот и спички на печке, и фляга под воду...
Кто же первый войдет — зверолов или зверь?
Кто же первый найдет здесь приют в непогоду...

*

Первый лист от клена отлетел,
как душа, легко и незаметно.
Вот и я пропажу проглядел,
и пуста моя грудная клетка.

Только крепкий и горячий чай.
Только кошка, черная, как уголь...
Примечай мой Ангел, примечай -
я, как день, уже пошел на убыль.

На листе ни слова, ни строки.
За окном весь день смеются дети...
Я когда-то тоже был таким.
Я когда-то тоже жил на свете.

*

Жил бы на юге — курил бы вино.
В шумном порту приторговывал краденым.
И всё писал бы о том, как в окно
Светит ночами луна-виноградина.

Да и на севере — вор на воре.
Слава из прошлого, тянется та ещё.
Как опостылевший снег в ноябре —
Незастывающей слякотью жалящий.

Север ли, юг ли — одна маета.
Всюду найдутся тебе — правдорубчики.
Чёрту не братья и нам не чета.
Неискупленных грехов перекупчики.

Вынь да положи им из шкафа скелет.
Спой «Колыму» или вечное: «Bessame».
С Богом нечасто бывает поэт.
Чаще бывает он с мелкими бесами.

Выпьет. С холодным вниманьем вокруг
Глянет. И ножик до должного качества
Станет точить, и порежется вдруг.
И над стекающей кровью расплачется.

*

Говорю картаво, повторяю — Кемерово.
Кемерово — это не город. Кемерово — это время.
В городе Кемерово — братвы немерено.
Здесь один за семерых и на одного — семеро.
Пальцы веером — племя тренерово.
По ночам в заведеньицах народ ерепенится.
Барак в кавернах, гребцы в триреме.
И все на теме, на, и все на теме.
Вышел за угол — за пивком в ларёк,
На тебе битой по темечку — и потёк.
Кемерово — это не город. Кемерово — это время.
Время разбрасывать и собирать время.
Сколько здесь похоронено и растеряно...
С этим городом разрываю-рву,
Но возвращаюсь вновь в эту кемерову.
С этой кемеровой буду умирать.
Кемерун-трава, померун-трава.
В этой кемерове, хоть всю ночь реви —
Горе горло рвёт и бурлит в крови.
Кемерово — веретено.
Рваная рана — Кемерово.
Кемерово — это не город. Кемерово — это время.
Но больше с верой здесь, чем с поверием.
И кедра в бору и поле клеверово,
И поцелуй на осеннем ветру —
Это тоже Кемерово.
По миру ли пойду, все равно я намертво —
От ласкова юга и до лютого севера —
Памятью, кровью, сердечным тремором
Побратался-сроднился с бродягой
Кемерово.